

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Л. И. Никовская

УДК 327.8

<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

**Методологические возможности концепта сложно-составного
конфликта на постсоветском пространстве**

Для цитирования: Никовская Л. И. Методологические возможности концепта сложно-составного конфликта на постсоветском пространстве // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 5-21. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-5-21

На основе методологических возможностей сложно-составного конфликта исследуются особенности сложного и противоречивого процесса формирования, вызревания и развертывания региональной конфликтности на постсоветском пространстве. Показано, что решающей точкой старта, или «ядра», формирования всей цепочки моноконфликтов, составляющих «тело» многомерного образования сложно-составного конфликта, сегодня задается геополитической составляющей, которая выстраивает и организует возможное пространство различных комбинаций сложно-составных конфликтов на постсоветском ареале. Показано, что в нынешних условиях углубления кризиса современного миропорядка ценностный контур противостояния приобретает одно из важнейших значений, заслоняя военный и иные средства воздействия в региональном конфликте. Целенаправленно формируется искусственное противостояние между локальными цивилизациями и методично реализуется сценарий локального цивилизационного конфликта, что делает проблему поиска модели национальной идентичности одним из самых эффективных инструментов мягкой силы. Общий вывод состоит в констатации факта, что в условиях нарастания динамизма общественных изменений недостаточно изучать отдельные социальные рядоположенные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложно-составного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и особенностях его развертывания и регулирования. Отечественная конфликтология и политическая социология накопили достаточный задел знания о многих типах и видах конфликтов. Теперь предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных моноконфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественной трансформации и структурной перестройки миросистемных отношений.

Ключевые слова: сложно-составной конфликт, региональный конфликт, моноконфликт, методология анализа, общественная трансформация,

© Никовская Л. И., 2020

геополитический конфликт, политика идентичностей, этно-национальный конфликт, гражданская идентичность.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

L. I. Nikovskaya

Methodological possibilities of the concept of complex-composite conflict in the post-soviet space

Based on the methodological possibilities of a complex-composite conflict, we study the features of a complex and contradictory process of formation, maturation and deployment of regional conflict in the post-soviet space. It is shown that the decisive starting point, or “nucleus”, the formation of the whole chain of monocomplexes, forming the “body” of the multidimensional education composite conflict today is defined geopolitical component, which builds and organizes the possible space of different combinations is difficult-part of conflict in the post-soviet area. It is shown that in the current conditions of the deepening crisis of the modern world order, the value contour of the confrontation becomes one of the most important values, obscuring the military and other means of influence in the regional conflict. An artificial confrontation between local civilizations is purposefully formed and the scenario of a local civilizational conflict is methodically implemented, which makes the problem of finding a model of national identity one of the most effective tools of soft power. The general conclusion consists in stating the fact that in the conditions of increasing dynamism of social changes, it is not enough to study individual social conflicts, leaving out the fact of the emergence of a qualitatively new phenomenon – the space of complex-composite conflict, without focusing on the mechanisms and features of its deployment and regulation. Today it is not enough to study individual social conflicts, leaving out the fact of the emergence of a qualitatively new phenomenon-the space of complex-composite conflict, without focusing on the mechanisms and aspects of its deployment and regulation. Russian conflictology and political sociology have accumulated sufficient knowledge about many types and types of conflicts. Now we have to take the next step: to deepen the study of the phenomenon of complex-composite conflict, to find out the social effects that are formed by the dynamic and active “overlap” of the fields of various mono-conflicts in a certain social space in the conditions of social transformation and structural adjustment of world-system relations.

Key words: complex-composite conflict, regional conflict, mono-conflict, analysis methodology, social transformation, geopolitical conflict, identity politics, ethno-national conflict, civil identity.

Региональные конфликты на постсоветском пространстве имеют сегодня свою особую онтологическую специфику – они являются сложно-составными по своей сути,	являясь производной частью дезинтеграции бывшего СССР, включенного в сложные и динамичные процессы изменения мирового порядка и кризиса модели нелиберальной гло-
---	---

бализации. Специфика каждого из рассматриваемых конфликтов определяется своеобразным сочетанием и присутствием различных составляющих (социально-экономической, этнической, демографической, профессиональной, идеологической, культурно-исторической, внешнеполитической, военно-стратегической, мирохозяйственной и пр.).

Большинство стран постсоветского пространства находятся в состоянии сложного, динамично и противоречиво развивающегося трансформационного процесса. В таких условиях существование моноконфликта (однотипного конфликта) – это, скорее, исключение, нежели правило. В реальности мы имеем проекцию и взаимовлияние, взаимопроникновение одних типов конфликта в другие, когда источники (причины) и особенности одних конфликтов запускают или актуализируют «пробуждение» других. Соединение в цепочку причин разных по типу конфликтов образует один из возможных вариантов сложно-составного конфликта. Например, конфликт между «традиционалистами» и «западниками» (социокультурный конфликт) «запускает» коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти, это, в свою очередь, актуализирует источники этно-национальных конфликтов, связанных, скажем с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения компетенции, что, в свою очередь, провоцирует

конфликты, связанные с неравномерным распределением социальных благ и условий воспроизводства жизни различных социальных групп, и, наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления отношений собственности и распределения ресурсов и прибылей.

Таким образом, образовалось пространство возможного варианта сложно-составного конфликта. Причем точка «старта» этой цепочки может находиться в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент времени для общества или ведущей социальной группы. Но таких цепочек различных комбинаций причин разных конфликтов может быть построено достаточно много. Следовательно, вариантов сложно-составных конфликтов, определяющих течение сложных и динамичных процессов трансформации, может быть также много. Но они не возникают беспорядочно. Их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого момента. Так, первый «романтический» период развития общественно-политической трансформации в России в качестве доминантных выделил конфликты политические (устройство страны, политическая программа ее развития, модель власти и т. д.), экономические и этно-национальные, которые выстроили за собой все пространство остальных комбинаций сложно-составных конфликтов.

Иными словами, трансформация – сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают и результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого ученого Р. Райсига, трансформацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, процессуальную, открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Ее течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений [Райсиг, 2003].

На этом фоне возможности теории конфликта становятся плодотворными. Надо уметь воспользоваться методологией и инструментарием конфликтологии для системного рассмотрения такого противоречивого, сложного процесса с внутренне заложенными возможными альтернативами.

Представляется, что во множестве региональных конфликтов решающей точкой старта, или «ядра» формирования всей цепочки моноконфликтов, образующих тело более сложного образования сложно-составного конфликта, сегодня задается геополитической составляющей. Региональные конфликты рассматриваются как составная часть глобального политического процесса, обозначенного как «Холодная война-2», цель которой формирование новой конфигурации

миропорядка XXI века. Руководитель Программ Гессенского Фонда исследований проблем мира и конфликтов (Франкфурт) Ханс Йоахим Шпанглер отмечает: «Сейчас не такая ситуация, как в XX веке. Тогда раскол был фундаментальным. Нам необходимо изучить менеджмент нынешнего конфликта. Сейчас ранняя стадия конфронтации. Она самая острая. Впоследствии, думаю, страны найдут варианты, ведущие к ликвидации возникшей конфронтации» [Всероссийская конференция, 2016]. Как показывает современная ситуация состояния международных отношений, обострение кризиса доверия между Россией и США ведет не просто к усилению состояния холодной войны. Ситуация отличается от периода межблокового противостояния отсутствием понятных для всех «правил игры», непредсказуемостью кризиса, а также нарушением баланса интересов.

Мы сегодня имеем мировой контекст более сложного, объемного кризиса, вызванного неспособностью либеральной модели капитализма решить ряд назревших противоречий. Так, вместо того, чтобы своевременно пойти на решительные реформы, связанные с социализацией политической и экономической системы в соответствии с возможностями, которые открыли новые информационные и коммуникационные технологии (то есть двигаться к будущему, социализируя систему демократического

управления и самоуправления и, соответственно, формы собственности, организации и управления производством), либеральный капитализм «испугался» и повернул назад, в прошлое, восстанавливая дух манчестерского капитализма в облики неолиберализма. Таким образом, он углубил существующие противоречия, которые вызревали в его недрах. Но в силу того, что он вышел победителем в Холодной войне, он самонадеянно предложил своим союзникам и новым вассалам из Восточной Европы свои принципы формальной либеральной демократии и неолиберальные монетаристские принципы и подходы к системе экономики.

При этом не надо забывать, что все ведущие международные институты – МВФ (Международный валютный фонд), МБ (Мировой банк), ВТО (Всемирная торговая организация) создавались после Второй мировой войны под эгидой и доминированием США, чей доллар стал ведущей валютой мира. Чтобы покрепче привязать своих союзников по ЕС и новых вассалов из Восточной Европы, США заставили их сначала стать членами НАТО, что неумолимо привело к военной зависимости от одного центра силы. Таким образом, используя все инструменты и механизмы воздействия и контроля, США заставили большую часть мира принять их идеологический инструментарий в виде неолиберализма. А все сопутствующие дей-

ствия этого процесса были просто моментами реализации геополитической стратегии США в направлении полного доминирования над миром, к установлению однополярного мира. Эта геостратегия была озвучена Джорджем Бушем – старшим в начале 1990 гг., непосредственно после краха СССР и конца Холодной войны, но содержательно она подготавливалась всеми предшествующими десятилетиями.

Но именно под воздействием этого многомерного исторического процесса углубились не только накопившиеся за последнюю четверть века глобальные конфликты, но и возникли совершенно новые, угрожая всему человечеству. Не претендуя на полноту упоминания всех коллизий, которые в той или иной степени проявляются на всех уровнях современного человеческого социума, перечислим главные: а) конфликт между богатством и бедностью; б) конфликт между обществом и природой, породивший мировой экологический кризис, точнее, уже катастрофу, и климатические изменения, угрожающие всему человечеству; в) конфликт между ценностями мировых и других религий, породивший столкновение между различными культурами и цивилизациями; г) конфликт между геополитическими устремлениями США и его союзниками, основанный на стремлении к полному доминированию в международных отношениях и

строительство, так называемого, «однополярного мира», и остальными государствами, стремящимися к многополярному миру; д) конфликт между государственным устройством мира и стремлением ТНК и мирового олигархата к иному устройству и структурированию мирового пространства и т. д.

Однако, основанная на одностороннем и безусловном доминировании США при вторичной роли ЕС, «однополярная» модель международных отношений вряд ли может рассматриваться в качестве эффективного механизма достижения внешнеполитического позитива. Украинский кризис на постсоветском пространстве продемонстрировал бесперспективность проектов, основанных на логике «игры с нулевым результатом» как инструменте противодействия интеграционным процессам с участием России. Такого рода проекты, основанные на концепциях «однополярного мира» и «глобального управления», уже исчерпали себя. Система международных отношений изменилась, прежние правила во многом оказались дискредитированы, а глобальная «повестка дня» подвергается существенному пересмотру. По мнению С. Караганова, Запад допустил стратегическую ошибку: он просмотрел подъем других держав и вдруг открыл для себя, что эти «другие», во-первых, хотят жить самостоятельно, а во-вторых – по-своему. Навязываемая им западная демократическая мо-

дель вовсе не является целью для большинства стран мира. Хотя развиваются они тоже в сторону демократии, но – собственного «пошива» [Цит. по: Американцы делают ошибки, 2015].

С началом нового века и нового тысячелетия все более заметнее стало возрождение России и восхождение ее как глобального фактора. Россия начала восстанавливать свой авторитет, место и роль в мировых событиях. За эти годы и Китайская Народная Республика сделала новый мощный рывок в своем неудержимом возрождении и укреплении в системе мирового порядка. Таким образом, на пути нового претендента на роль мирового гегемона США, собиравшегося устроить «однополярный мир» по своим рецептам, оказались сразу два «новых игрока». Когда этот факт был осознан идеологами и стратегами геополитических глобальных проектов США, он вызвал у них сначала замешательство, а потом были задействованы старые испытанные инструменты геополитики США от «старой эпохи» Холодной войны: исламский фундаментализм и экстремизм, которые сыграли свою роль в противостоянии в Афганистане (1979-1989) против советских войск и которые оказались одним из факторов, приведших к истощению экономики Советского Союза и, в конце концов, довели его до краха.

В этом противостоянии главными помощниками США были Сау-

довская Аравия и Турция. Саудовская Аравия не только помогала миллиардами долларов для вооружения, собранных со всего исламского мира моджахедов, организованных в бригаду «055» во главе с саудовским миллиардером Осамой бен Ладеном, но и «играми» на нефтяном рынке. При этом оказывается, что США и в новой эпохе ничему новому не научились, но и ничего старого не забыли. Для приведения в движение «исламского фактора» как геополитического «кинжала» на сей раз была испробована теория Стивэна Манна об «управляемом хаосе» [Mann, 1998]. Таким образом, одним за другим были взорваны авторитарные режимы в Тунисе, Египте, Ливии под лозунгом «арабской весны», которые обещали молодым, образованным, но безработным арабам либеральную демократию по американским образцам. К сожалению, из глубоких слоев арабских обществ всплыли долго сдерживаемые структуры «Мусульманских братьев» и всякие другие структуры *нереформированного фундаменталистского ислама*.

Более того, анализ последних событий, связанный с ростом правого популизма, выходом Великобритании из ЕС, «неожиданной» победой Трампа на выборах в США в 2016 г. позволяет сказать, что мы имеем дело с возрождением вестфальской системы мироотношений, где главными ценностями выступают государственная территория, суверенитет, ба-

ланс сил, более гибкие, ситуативные межгосударственные союзы.

Можно ли выделить какие-то общие и специфические черты современного правого популизма в содержательном смысле? По мнению М. Ремизова, общая черта состоит в том, что он объединяет левую и правую «повестку» под знаком деглобализации, правой версии антиглобализма. Как существовало левое антиглобалистское движение в начале 2000-х годов, так сейчас мы видим преобладание правой версии антиглобалистского движения. Именно сосуществование левых и правых идей и лозунгов является элементом некоторой новизны этого проекта. Достаточно сравнить «Национальный фронт» образца Жан-Мари Ле Пена с «Национальным фронтом» Марин Ле Пен, чтобы зафиксировать эту разницу. Жан-Мари Ле Пен был убежденным реи-ганистом в экономике, тогда как Марин Ле Пен в экономике скорее голлистка – сторонник активной роли государства, возвращения экономического суверенитета, протекционистской политики в отношении национальной промышленности и т. д. [Цит. по: Интервью Ремизова Политком.ру, 2016].

Второй, не менее важной составляющей сложно-составного конфликта является социокультурный, *ценностно-идеологический* конфликт. И здесь следует остановиться несколько подробнее. В исследовании причин «арабской весны», проведенном экспертами Ин-

ститута социально-политических исследований РАН, автор с удивлением обнаружил их неэкономическую природу. И высказали предположение об опасности политической дестабилизации, в том числе в России, даже при относительном материальном достатке [Садовничий, 2012]. На арену общественного развития начинает выходить, так называемый, «исторический идеализм», в дополнение к «историческому материализму», когда не только бытие определяет сознание, но и сознание начинает существенно определять бытие [Всероссийская конференция, 2016]. И здесь велика роль технологий социокультурного перепрограммирования, формирования цивилизационной идентичности и пр. В этом отношении ценностный контур противостояния приобретает первостепенное значение, заслоняя военный и иные средства воздействия в региональном конфликте. Целенаправленно создается искусственное противостояние между локальными цивилизациями (западной и тюркской, напр.) и методично реализуется сценарий локального цивилизационного конфликта. Не случайно, что главным предметом спора вокруг конфликта на Юго-Востоке Украины, в самом начале его проявления, стал русский язык, литература и культура; затем произошло формирование нового правящего класса на основе прозападной системы ценностей; создание «образа врага», насыщенного откровенно

русофобскими настроениями. Затем идет целенаправленное превращение бывшей постсоветской страны в сателлита США, ЕС, НАТО, что неминуемо влечет смену приоритетов развития [Подберезкин, 2015].

В этом же ряду можно рассматривать проблему поиска модели национальной идентичности. Политика идентичности – один из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы». Появление термина «политика идентичностей» обычно связывается с Э. Гоффманом. Первоначально термин трактовался в либеральном ключе как создание условий для свободной самоидентификации человека, однако все чаще политика идентичности подвергается критике со стороны либерального крыла социогуманитарного знания. Эта политика предстает в качестве инструмента деятельности властных групп по консолидации социума для достижения целей, поставленных этими группами. Однако, независимо от оценок, политика идентичности – важнейший элемент управления. Макросоциальные идентичности в современном мире – это, безусловно, проекты. Разработаны и используются гуманитарные технологии по формированию новых идентичностей, их разрушению и препятствию формирования идентичностей в зависимости от целей управления. Политика идентичности лежала в основе национального строительства в бывшей Югославии, бывшем СССР, многих других, в том

числе вполне устойчивых с этнической точки зрения, странах. В Европе политика идентичности стала наиболее активной в новом тысячелетии. «Вопрос национальной идентичности не был заметным предметом дискуссий в Европе до последнего десятилетия, когда проблема иммиграции, особенно мусульманской, стала важной политической темой. Этот вопрос еще более обострился после терактов в сентябре 2001 г. и других атак и покушений, произошедших в Испании, Британии, Нидерландах и т. д. Все они увеличили вероятность того, что радикальные исламистские группы попытаются подорвать самые основы демократических обществ», – отмечает Ф. Фукуяма [Fukuyama, 2012]. Н. Саркози в бытность президентом Франции даже создал Министерство по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвития Франции, за что подвергся критике со стороны либеральных политиков.

Думается, в украинской «политике идентичности» были допущены две стратегические ошибки, которые привели к катастрофическим последствиям. Первая – эта идентичность строилась на антироссийской основе, русофобии и ксенофобии. Вторая – в качестве «матрицы» истинного украинца был использован образ западного украинца. Именно этот провал привел к тому, что Украина во втором десятилетии из субъекта международной политики превратилась в объект геополитического соперничества.

Еще одна сторона украинского кризиса, значимая для России, – важность цивилизационного выбора. Украина оказалась раздираема между двумя цивилизационными ареалами и не справилась с этой дилеммой. Поэтому конфликт на Юго-Востоке Украины – это, в сущности своей, борьба за сохранение и утверждение русской идентичности, причем как культурной, так и политической, которая охватывает значительно более широкое пространство, чем нынешняя территория Донецкой и Луганской народных республик, где она вынужденно приобрела вооруженный характер. Вынужденно, потому что никакой другой вид борьбы за русскую идентичность в условиях нынешнего украинского режима был уже невозможен.

Методологические основания анализа сложно-составного конфликта позволяют выявить сложность наслоения полей собственно этнического конфликта и ценностно-идеологического. Нынешнее украинское руководство сделало ставку на «государство-нацию», на этнический национализм: «Мы создали Украину, а теперь будем очищать ее от неукраинцев». Драматичен по своим последствиям отказ от идеи сосуществования двух языков, федерализации государства. По мнению М. Погребинского, интересы украинского этноса стали преобладать над идеей гражданской идентичности. Важнейшую роль в

этом играют прежние воспоминания о притязаниях западной области Украины – Галиции, которые возродились вопреки идеям национального строительства Украины как полиэтничного государства. «Галиция издавна воспринимала себя как Пьемонт, объединивший Италию в 1860-1870-х гг. путем присоединения всех земель к правящей Савойской династии» [Погребинский, 2020, с. 237]. Применительно к современной Украине это означает, что украинцы должны воспринять духовные и культурные традиции и ценности Галиции как истинной Украины. Этнонационализм Галиции получил в ответ этнонационализм Юго-Востока, который был презрительно отвергнут в качестве субъекта построения украинского государства. Кстати, первым, кто предупредил о возможном распаде Украины по контуру одного из этносов, был С. Хантингтон.

К середине второго десятилетия XXI века *политика идентичности* заняла важное место в политическом процессе и в России, о чем можно судить по принятым стратегическим документам, призванным регулировать социокультурную сферу. Однако украинский кризис обострил многие вопросы, считавшиеся ранее вполне очевидными. Ситуацию на Украине российские эксперты чаще всего, и вполне справедливо, объясняют геополитическими реалиями, в том числе глобальными экономико-политическими коллизиями. Но это

объяснение можно считать неполным и односторонним. Украинская катастрофа с новой остротой поставила вопрос о существенных противоречиях в отношениях между Россией и Западом, между Россией и Европой. Этот вопрос, являвшийся стержневым для русской философской мысли в последние несколько столетий, не утратил своего значения в эпоху глобализации (или конца глобализации и деглобализации?).

В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью настойчивости все постсоветские годы, был вполне оправданно скорректирован. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания Холодной войны. Показательным является тезис одного из идеологов реформ 1990 годов, писателя и философа И. М. Клямкина, который утверждал, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» [Соловей, 2005]. Этот тезис И. М. Клямкина является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в порядке критики, однако важно

подчеркнуть, что в первое постсоветское десятилетие в разном терминологическом оформлении он стал одной из господствующих идеологием. Для обывателей, измученных материальными проблемами «поздней перестройки», западная цивилизация ассоциировалась с потребительскими ценностями, которые были быстро восприняты как новой российской элитой, так и «неэлитными» массами. Еще одно важное значение этого тезиса И. М. Клямкина заключается в том, что он достаточно явно обозначил, что Россия не являлась и не является частью Запада, что у нее другой «цивилизационный код». По мнению авторитетного этнополитолога В. А. Авксентьева, ни Запад в широком смысле, ни Европа не воспринимали и не воспринимают Россию в качестве органической составляющей собственного социокультурного пространства [Авксентьев, 2014]. Примечательно, что отношение элитных групп Запада к России определяется не столько их плохой информированностью или устойчивостью шаблонных предубеждений, поверхностно отражающих объективную реальность, сколько их осознанным отрицанием всего связанного с Россией, воспринимаемой как страна, не только чуждая им в культурном и ценностном смысле, но и проводящая политику, ущемляющую интересы Запада [Вайнштейн, 2016]. В таком культурно-коммуникационном контексте трудно найти

возможности для действительно интегративных процессов и нынешний раскол между Россией и Западом имеет глубинное социокультурное основание.

Все выше перечисленные звенья сложно-составного конфликта предопределили набор причин и социально-экономического свойства, приведших к конфликтным коллизиям. Они, прежде всего, связаны с поиском модели экономического развития. Общей причиной роста напряженности во многих постсоветских государствах, безусловно, являются причины экономического порядка. Практически все бывшие республики СССР столкнулись с проблемами деиндустриализации. Социальная напряженность, которая в ряде республик «запускала» социальные протесты, была обусловлена недовольством крайне неэффективной моделью криминально-олигархической экономики, а также засильем коррупции. Так, Украина в кризисе 2008-2009 пострадала больше других постсоветских стран, около 15 % ВВП в 2009 год было потеряно. Этот спор обозначил кризис системы периферийного капитализма в Украине, основанного на контроле олигархов ключевых точек украинской экономики (она базировалась на экспорте сырьевых и полусырьевых продуктов – химической и металлургической отраслей).

Власти решили переложить на средние и бедные слои населения вопрос о покрытии убытков от кри-

зиса, сохраняя прибыли олигархам. Так или иначе, толчком к Майдану послужило сочетание неолиберальных евроиллюзий среднего класса, видевшего в Европе фундаментальное решение украинских проблем, и возрождение национальной самобытной государственности. Настроения народной «революции достоинства» перехватили неолибералы с подключением США, трансформировав протест в буржуазную революцию с навязыванием стране идеологии «Вашингтонского консенсуса». Власть олигархии прекрасно вписалась в эту схему. Это нехитрый набор правил, предписываемый Вашингтоном как главным акционером МВФ для стран, которых желают видеть своими колониями. Он включает тотальную приватизацию всего и вся, полное открытие национальных экономик для экспортеров товаров и услуг, ликвидацию государственной бюджетной и иной поддержки национальных товаропроизводителей, отмену госрегулирования цен и тарифов, фискальную оптимизацию и пр. Под последней понимается полное прекращение финансирования социальных программ, сокращение зарплат бюджетникам и т. п. Если говорить коротко, то это план тотального «голодомора» на Украине.

По данным Укрстата, в январе 2014 г. промышленное производство упало на 21,3 %, а розничные продажи с реальными зарплатами на 22,6 и 17,3 %, соответственно. Одна примечательная деталь. Один из крупнейших инвестиционных

фондов США – Franklin Templeton приобрел на мировом финансовом рынке государственные долговые обязательства Украины на сумму в 5 млрд долларов, то есть 20 % украинского внешнего долга. Данный Фонд имеет все признаки «финансового стервятника» [Катасонов, 2014]. То, что он приобрел пятую часть украинского долга, явный признак того, что страна находилась на грани дефолта. Финансовые стервятники имеют бульдожью хватку. Это хорошо знают руководители многих стран Латинской Америки, которые не раз становились их жертвами. Украину, свою жертву, финансовые стервятники не отпустят ни при каких условиях. Более того, решение нью-йоркского суда по Аргентине в пользу данного рода фондов вдохновило их на новые победы. Их очередной жертвой может стать именно Украина. Если Франклин Темплтон сумеет поставить Украину на колени, то никакой реструктуризации суверенного долга не будет. Украина окончательно превратится в придаток экономической системы Запада.

В этом же контексте лежат причины собственно социального конфликта, связанного, прежде всего, с резко ухудшающимися условиями воспроизводства элементарной человеческой жизни. Проблема выплаты пенсий, пособий и невозможность поддержания системы здравоохранения и образования на достаточном уровне привели к появлению тенденций ретрадиционализации. «За-

мордованность» социальными проблемами стала не менее важной составляющей социального моноконфликта на Украине. Такое понимание истоков Майдана высказал в интервью СМИ Владимир Путин: «...эта революционная ситуация складывалась давно <...> Коррупция достигла таких пределов, которые нам и не снились... Обогащение и расслоение общества <...> возведено в куб. <...> Я понимаю <...> тех людей на Майдане... которые до сих пор требуют не каких-то там ремонтов фасада власти, а требуют кардинальных перемен. <...> Люди справедливо, я хочу подчеркнуть, и в этом я согласен с Майданом, справедливо требуют перемен в политике <...> Ни одно из прошлых правительств не думало как следует о нуждах людей <...> Люди же все это видят, и это вызывает недоверие к власти. <...> Смена власти <...> действительно была нужна Украине...» [Цит. по: Интервью Путина СМИ, 2014]. Но приступив к выполнению рекомендаций МВФ по наведению порядка в украинской экономике (повышение тарифов на коммунальные услуги, газ, электроэнергию и пр.), страна быстро начала движение к глубокому социальному кризису. По разным оценкам «выбор европейского пути» в 2014 году поддерживало около 70–80 % украинцев за пределами сепаратистского Донбасса. Однако, как это типично для широких масс (в особенности, посткоммунистических стран), данный «выбор» на самом деле представляет собой не

более, чем желание приобщиться к европейскому благосостоянию, без ясного осознания того, что за высокий жизненный уровень развитого капитализма европейского образца необходимо дорого заплатить: многолетним затягиванием поясов, высокой структурной безработицей, сокращением многих видов привычной «халявы», резким изменением жизненного уклада. Соответственно, «шоковая терапия» по рецептам МВФ неизбежно породит массовые протесты. Россия прошла этот путь в 1990 г. Подобные социальные волнения и беспорядки всегда резко активизируют центробежные тенденции и ведут страну к угрозе распада (как, в частности, наглядно продемонстрировала Россия в 1990 г.).

Политическая составляющая сложно-составного конфликта многих постсоветских республик также логично вписывается в нынешний контекст непростых геополитических реальностей. Современный англо-саксонский мир политически поощряет трансплантацию модели либеральной демократии, со всеми особенностями, принятыми в зоне действия принципов западной политической культуры. Причем Запад стал поощрять, особенно в географическом пространстве незападных стран, активность масс, которая предстает в непосредственных формах (бунты, стихийные выступления и пр.) и анархической направленности (отрицающих государство). События в Египте и Украине – лучшее этому подтвер-

ждение. Но активность масс не всегда признак демократии. Активистская трактовка демократии в США в 1960-х гг. имела альтернативу в виде концепции баланса неравенств. Демократия в незападных странах не опирается на заимствование готовых моделей. Она решает более актуальные задачи и носит черты культурной специфики. Никто еще не называл Сингапур или Малайзию демократическими странами, но в них осуществлено авторитарными методами важное демократическое преобразование – нахождение баланса неравенств между тремя враждовавшими ранее этническими группами населения – китайцами, индусами и малайцами.

В целом, обобщая вопрос об эвристических возможностях использования методологии сложно-составного конфликта для анализа особенностей современной региональной конфликтности, можно отметить следующее. В современных условиях многофакторности детерминации, нарастания динамики самих процессов общественных изменений в связи с процессами глобализации изменился сам характер проявления модальности детерминирующих факторов: они не предъявляют себя прямолинейно и жестко, а действуют поливариантно и диффузно. В последнее время исследователи в области теории конфликтов обратили пристальное внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных образований,

именуемых полями, аренами или играми. Представители нового институционализма (К. Мейер, А. Скотт и др.) сделали вывод, что сложные и соперничающие отношения между старыми институтами и претендентами, то есть конфликты между группами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение позиций, служат основным источником перемен в обществе [Дмитриев, 2002]. «Полевой» теоретический подход (field theoretic approach) к анализу конфликтов впервые был предложен Квинси Райтом и предполагал важность учета многоуровневого характера причинно-следственных отношений в конфликте и предлагал анализировать межгосударственные конфликты в рамках поля отношений «человек-государство-общество».

В изучении внутренних конфликтов также возобладала теория, учитывающая множественность уровней причинно-следственных отношений и объединяющие их на основе различных концепций основания: структурно-функциональной деформации, межгрупповой конкуренции или влияния системных факторов. И все это могло быть спроецировано в плоскость функциональной актуализации конфликта – в социальную, политическую, экономическую, военную сферы.

Таким образом, динамическая модель сложно-составного конфликта очень продуктивна [Никовская,

Якимец, 2005]. Разнотипные конфликты в условиях высоко динамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг друга, что порождает дополнительный эффект синергетического свойства. Важно понять какого – *деструктивного или позитивного* – свойства. В силу этого сегодня недостаточно изучать отдельные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложно-составного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и аспектах его развертывания и регулирования.

К системному анализу взаимовлияний разнотипных конфликтов друг на друга конфликтология только

еще подходит. Анализ конкретных конфликтов в изолированном от других виде – это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественной трансформации и структурной перестройки миросистемных отношений.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А. Портфель с множеством идентичностей: взаимодополнение, конкуренция, или единство? // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Справедливость как ценность, идея и общественная практика в современном мире и России». Материалы / Л.И. Никовская (отв. редактор), В. Н. Шевченко., М. Ю. Уланов, В. Н. Якимец. Москва : РАПН-Институт «Справедливый мир». 2014. С. 5-8.
2. Американцы делают феерические ошибки. Политолог Сергей Караганов об отношениях России и Запада. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/09/01/karaganovint/>. (Дата обращения: 02.11.2020).
3. Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm>. (Дата обращения: 02.11.2020).
4. Всероссийская научно-практическая конференция «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации миропорядка». Отчет. Режим доступа: <http://www.spravmir.ru/events/309-2016051214conferenceproblema-ustoichivosti-obshchestvennogo-razvitiia.html>. (Дата обращения: 02.11.2020).
5. Гундаров И. А. Парадоксы российских реформ. Москва : Изд-во УРСС, 1997.158 с.
6. Дмитриев А. В. Социальный конфликт: общее и особенное. Москва : Гардарики, 2002. 464 с.

7. Интервью Путина В. В. СМИ от 4 марта 2014 года. Режим доступа: <https://mozgovouy-center.ru/znamenitaya-press-konferenciya-vladim/>. (Дата обращения: 02.11.2020).
8. Катасонов В. Украина: экономика смуты или деньги на крови. Москва : Книжный мир. 2014. 288 с.
9. Никовская Л. И. Сложно-составные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации: типы особенности, динамика, принципы анализа / Л. И. Никовская, В.Н. Якимец // Социологические исследования. СОЦИС. 2005. № 8. С. 77-90.
10. Погребинский М. Б. Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние / М. Б. Погребинский, А. Н. Попов, А. К. Толпыго // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Москва: Весь мир. 2020. С. 237-281.
11. Подберезкин А. И. Украина как частный пример ведения сетцентрической войны против России. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33592>. (Дата обращения: 01.11.2020).
12. Райсиг Р. Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. // Повороты истории. – Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х томах. Т.2. Санкт-Петербург ; Москва : Берлин, 2003. С. 236.
13. Ремизов М. Возникновение и влияние правопопулистских проектов запрограммировано самой современной повесткой дня в политике». Интервью Политком.ру. Режим доступа: <http://politcom.ru/21799.html>. (Дата обращения: 02.11.2020).
14. Садовничий В. А. Моделирование и прогнозирование мировой экономики / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Москва : ИСПИ РАН. 2012. 360 с.
15. Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. Москва : АИРО-XXI, 2005. 319 с.
16. Fukuyama F. The Challenges for European Identity // The Global Journal, Jan. 11. 2012. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469/>
17. Steven R. Mann. The reaction to chaos // Complexity, global politics, and national security. Edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National defense university. Washington, D.C. 1998. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175>

Bibliograficheskij spisok

1. Avksent'ev V. A. Portfel' s mnozhestvom identichnostej: vzaimodopolnenie, konkurencija, ili edinstvo? // Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem «Spravedlivost' kak cennost', ideja i obshhestvennaja praktika v sovremennom mire i Rossii». Materialy / L. I. Nikovskaja (otv. redaktor), V. N. Shevchenko., M. Ju. Ulanov, V. N. Jakimec. Moskva : RAPN-Institut «Spravedlivyj mir». 2014. S. 5-8.
2. Amerikancy delajut feericheskie oshibki. Politolog Sergej Karaganov ob otnoshenijah Rossii i Zapada. Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/articles/2015/09/01/karaganovint/>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).

3. Vajnshtejn G. Racional'noe i irracional'noe v vosprijatii Rossii Zapadom. Rezhim dostupa: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
4. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Problema ustojchivosti obshhestvennogo razvitiya v uslovijah transformacii miroporjadka». Otchet. Rezhim dostupa: <http://www.spravmir.ru/events/309-2016051214conferenceproblema-ustoichivosti-obshchestvennogo-razvitiia.html>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
5. Gundarov I. A. Paradoksy rossijskih reform. Moskva : Izd-vo URSS, 1997. 158 s.
6. Dmitriev A. V. Social'nyj konflikt: obshhee i osobennoe. Moskva : Gardariki, 2002. 464 s.
7. Interv'ju Putina V. V. SMI ot 4 marta 2014 goda. Rezhim dostupa: <https://mozgovoy-center.ru/znamenitaya-press-konferenciya-vladim/>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
8. Katasonov V. Ukraina: jekonomika smuty ili den'gi na krovi. Moskva : Knizhnyj mir. 2014. 288 s.
9. Nikovskaja L. I. Slozhno-sostavnye konflikty – atribut postsocialisticheskoy transformacii: tipy osobennosti, dinamika, principy analiza / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Sociologicheskie issledovanija. SOCIS. 2005. № 8. S. 77-90.
10. Pogrebinskij M. B. Formirovanie polikul'turnoj Ukrainy: istoricheskij ocherk i sovremennoe sostojanie / M. B. Pogrebinskij, A. N. Popov, A. K. Tolpygo // Krizis multikul'turalizma i problemy nacional'noj politiki. Moskva : Ves' mir. 2020. S. 237-281.
11. Podberezkin A. I. Ukraina kak chastnyj primer vedenija setecentricheskoy vojny protiv Rossii. Rezhim dostupa: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33592>. (Data obrashhenija: 01.11.2020).
12. Rajsig R. Issledovanija transformacii: dostizhenija, nasushhnye problemy i perspektivy. // Povoroty istorii. – Postsocialisticheskie transformacii glazami nemeckih issledovatelej. V 2-h tomah. T.2. Sankt-Peterburg ; Moskva : Berlin, 2003. S. 236.
13. Remizov M. Vozniknovenie i vlijanie pravopopulistskih proektov zaprogramirovano samoj sovremennoj povestkoj dnja v politike». Interv'ju Politkom.ru. Rezhim dostupa: <http://politcom.ru/21799.html>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
14. Sadovnichij V. A. Modelirovanie i prognozirovanie mirovoj jekonomiki / V. A. Sadovnichij, A. A. Akaev, A. V. Korotaev, S. Ju. Malkov. Moskva : ISPI RAN. 2012. 360 s.
15. Solovej V. D. Russkaja istorija: novoe prochtenie. Moskva : AIRO-XXI, 2005. 319 s.
16. Fukuyama F. The Challenges for European Identity // The Global Journal, Jan. 11. 2012. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469/>
17. Steven R. Mann. The reaction to chaos // Complexity, global politics, and national security. Edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National defense university. Washington, D.C. 1998. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175>